

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

На правах рукописи

СЛАВСКАЯ Александра Николаевна

**ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ИНТЕРПРЕТИРОВАНИЯ
СУБЪЕКТОМ АВТОРСКИХ КОНЦЕПЦИЙ**

Специальность 19.00.01 — общая психология,
история психологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Москва 1993

ЛНБ України ім.В.Стефаніка

00814747 (V)

Робота виконана в Інституті психології РАН.

Научный руководитель:

член-корреспондент РАН, профессор,
доктор психологических наук А. В. БРУШЛИНСКИЙ

Официальные оппоненты:

доктор психологических наук Т. М. ДРИДЗЕ,
доктор психологических наук А. К. МАРКОВА

Ведущее учреждение — Психологический Институт Российской академии образования.

Защита состоится «.....»..... 1993 г. в часов на заседании специализированного совета К 002.31.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата психологических наук при Институте психологии РАН по адресу: 129336, Москва, ул. Ярославская, 13.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института психологии РАН.

Автореферат разослан «.....»..... 1993 г.

Ученый секретарь
специализированного совета,
кандидат психологических наук

Е. А. АНДРЕЕВА

ЛНБ ім. В. Стефаніка
АН України

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования проблемы интерпретации как способа истолкования личностью смысла текстов, информации, знаний и самой действительности связана с отходом от навязанного тоталитаризмом "единства" мнений, постепенным развитием в социальной жизни и сознании плюрализма - разнообразия взглядов, мнений, информации. Перед человеком возникает не столько задача адекватного понимания информации, сколько потребность в ориентации в происходящем, а потому выработки своего мнения по поводу многообразия его трактовок.

Научная актуальность проблемы связана с недостаточной исследованностью собственно психологического, личностного аспекта интерпретации, ее интеллектуальных характеристик, поскольку, в основном, интерпретация была предметом изучения герменевтики (Шлейермахер Ф., Гадамер Г., Рикер П. и др.), философии языка (Хомский Н., Поппер К., Леви-Стросс К., Чайлд А. и др.), теории информации (Винер Н., Тондл Л. и др.), теорий социального и личностного знания (Малкей М., Полани М. и др.) и многих других областей знания.

Субъектный подход, разработанный в философско-психологической концепции С.Л.Рубинштейна, позволяет определить интерпретацию как предмет психологического исследования, как процедуру и способность мышления и сознания личности (Брушлинский А.В., Абульханова К.А.). Личность рассматривается в качестве субъекта интерпретирования - активного процесса выработки своего мнения, отношения к любым текстам, информации, самой действительности.

Сложность выделения собственно психологического подхода к

интерпретации связана с тем, что в герменевтике акцентировался не столько момент взаимопонимания людей, сколько искусство толкования, перевода (преимущественно религиозно-теологических, литературных текстов), основанное на постижении грамматики языка оригинала и выявлении "замаскированного" в языковых структурах подтекста. Поэтому, также как в некоторых других теориях, начал превалировать лингвистический уклон, связанный с традиционным сведением процесса понимания и интерпретации к языку.

Отсюда возникла тенденция к формализации, универсализации средств передачи информации и ограничения закономерностями построения самих текстов (семантика, лингвистика), рассматривавшихся в качестве единиц речи-языка, вплоть до превращения текста, толкуемого таким образом, в субъекта "самотворящего смысл" (Хомский Н.). С этой тенденцией полемизировала так называемая понимающая психология (Дильтей В., Шпрангер Э.), которая отстаивала значимость интуитивного постижения смысла, принцип ценности как основной принцип гуманитарного знания. Однако принцип "вживания", опирающийся на гуссерлевскую феноменологию, раскрывая субъективизм понимания, не позволял учесть самого субъекта.

Начиная с известных работ Н.А.Рубакина, многие отечественные исследователи так или иначе учитывали, раскрывали позицию, мотивацию субъекта - читателя, приемника информации (Брудный А.А., Борисова Т.А., Зимняя И.А., Кузьменко О.Д., Кукольщикова Л.Е., Красникова Е.А., Леонтьев А.А., Малинина Ю.Ф., Маркова А.К., Носенко Э.Л., Панасюк А.Ю., Сорокин Ю.А., Сухобская Г.С., Тамарченко И.А., Толкачева С.Д., Ушакова Т.Н. и др.). Деятельностный подход позволил поставить и частично решить сложную задачу дифференциации психологического и лингвосемантического (по термино-

логии Т.М.Дридзе) в работе с текстом, хотя большая часть специалистов при этом акцентировала преимущественно рече-языковая сторона процесса понимания, имплицитно трактующая текст как единицу в системе лингвистических и лингво-семантических координат.

Важнейшим логическим шагом явилась постановка проблемы интерпретации в качестве предмета комплексного, социально-психологического исследования в разработанной Т.М.Дридзе концепции текстовой деятельности, в которой текст рассматривался не как рече-языковая, а как коммуникативно-познавательная единица, как иерархия коммуникативно-познавательных программ. Ядром данной трактовки интерпретации как коммуникативно-познавательной деятельности послужило понятие адекватной интерпретации замысла порождаемого партнерами текста.

Субъектный (личностный) подход, предложенный С.Л.Рубинштейном, континуально-генетическая парадигма мышления А.В.Брушлинского, семиосоциопсихологическая теория социальной коммуникации как текстовой деятельности Т.М.Дридзе, концепция социального мышления К.А.Абульхановой позволяют интегрировать и гуманистическую направленность идей понимающей психологии (Дильтей В., Шпрангер Э., Роджерс К.) на раскрытие субъективного, ценностного аспекта проблемы интерпретации и философию смысла жизни (Франк В.) как понимания не только текстов, но и самой жизни, и психоанализ как интерпретацию поведения личности и механизмов бессознательного (Фрейд З.).

Если прежде роль субъекта заранее самими исследователями ограничивалась ролью читателя, приемника информации (хотя реально существуют и роли литературного критика, комментатора и др.),

то на основе субъектной парадигмы модель исследования направлена на выявление постановки самим субъектом задачи интерпретации как выработки своего мнения, отношения к любым текстам, информации, действительности.

Новизна исследования заключается в реализации субъектного (личностного) подхода к проблеме интерпретации путем разработки теоретико-эмпирической модели ее исследования, включающей интеллектуальные- структурно-динамические, процессуально-уровневые, личностно-стилевые особенности интерпретации; совокупность отношений и характеристик интерпретатора (в том числе профессиональных, возрастных и др.); а также типологически обобщенные способы постановки и решения субъектами интерпретационной задачи.

Теоретико-эмпирическая модель интерпретации включает:

1) ее структурно-динамические особенности и их критерии, выявленные с опорой на континуально-генетическую теорию мышления А.В.Брушлинского, семиосоциопсихологическую теорию интерпретации как коммуникативно-познавательной деятельности Т.М.Дридзе, типологический метод и теорию социального мышления, разработанные К.А.Абульхановой, а также учитывая ряд понятий: "априорный" (акмеологическая теория "убеждающего воздействия" А.Ю.Панасюка), "вывод" (Брудный А.А.), "контекст" (Бахтин М.М., Лотман Ю.М., Лихачев Д.С.), личностно-типологические "стили" (по аналогии с когнитивными - Селиванов В.В.) и другие;

2) процессуально-уровневые (исходя из теории мышления как процесса А.В.Брушлинского, схемы уровней понимания С.А.Васильева);

3) личностно-типологические (и параметры их определения);

4) способы самоопределения субъекта при постановке и реше-

нии задачи выработки своего мнения.

В качестве предмета интерпретации в эмпирическом исследовании респондентам предлагалась авторская концепция, заключенная в научном и философско-гуманистическом тексте, а не текст как таковой, благодаря чему и был осуществлен выход за пределы языковой, текстовой парадигмы.

Было установлено, что приведенные выше критерии и параметры варьируют при интерпретации научных авторских концепций (психологических) и философско-гуманистических, поскольку первые требуют традиционно научных форм рассуждения, а вторые допускают возможность импровизации и обращения к самым широким - жизненным, личным, культурным контекстам.

Предметом исследования явилось теоретическое обоснование психологического подхода к интерпретации на основе субъектной парадигмы и эмпирическое исследование личности как субъекта интерпретирования, выявление интеллектуальных - структурно-динамических, процессуально-уровневых, личностно-типологических особенностей постановки и решения интерпретационных задач:

- понимания авторской концепции,
- комментирования,
- выработки собственного мнения,
- объяснения своего мнения путем сопоставления его с авторским.

Объектом исследования явилась интерпретационная работа респондентов с двумя видами авторских концепций: научными (психологическими) (Выготский Л.С., Леонтьев А.Н., Рубинштейн С.Л., Узнадзе Д.Н.) и философско-гуманистическими (Карнеги Д., Франкл В., Фромм Э.), процесс, способы, результаты выработки мнения

субъектом в активизирующих и контролирующих условиях.

Испытуемыми были студенты Российского Гуманитарного университета, института Молодежи и преподаватели психологии - слушатели курсов повышения квалификации. Выборка (80 человек) разного пола, возраста и профессионального опыта работы с научным материалом.

Гипотеза исследования.

1. Интерпретация с психологической точки зрения представляет собой личностно обусловленный процесс формирования и эксплицирования субъектом своего мнения. Теоретико-эмпирическая модель интерпретации позволяет комплексно исследовать интеллектуальные (структурно-динамические, процессуально-уровневые), личностные и другие характеристики процесса выработки мнения через личностно значимый способ отношения к авторской концепции (как предмету интерпретирования) и интегрировать их в типологию субъектов интерпретирования.

2. Теоретико-эмпирическая модель исследования интерпретации включает:

- интеллектуальные структурно-динамические особенности (характер интерпретационного вывода, гипотезу, дизъюнктивный-недизъюнктивный способ связи суждений, их аналитический или синтетический характер);

- процессуально-уровневые характеристики мышления и способа интерпретирования (уровни обобщений, абстрактность-конкретность, уровни понимания, комментирования, контекстов);

- личностно-стилевые параметры (когнитивный или оценочный характер суждений, личностная значимость интерпретационной задачи, направленность и способы соотнесения своей и авторской пози-

ши посредством: а) априорного выражения своего мнения (вывода) как отказа от процесса осмысления авторской концепции; б) идентификации с мнением автора и понимания как объективного раскрытия существа его концепции; в) диалога с автором, введения множества контекстов и выхода к субъективному смыслу проблемы; г) псевдосинтеза, поверхностного, формального соотнесения своего и авторского мнений.

Цель и задачи исследования. Целью исследования явилась теоретическая реконструкция и эмпирическое выявление возможных способов постановки и решения интерпретационных задач разными субъектами, включающих в себя обращение к различным культурным, научным, авторским и личным контекстам и авторитетам, способ соотнесения личной и авторской позиций, в связи с мыслительными, личностно-стилевыми особенностями самого процесса интерпретирования, которые в совокупности дают обобщенную характеристику и субъекта интерпретации и его мнения (априоризм, объективизм-субъективизм, конструктивность-фрагментарность, проблемность-поверхностность).

Первая задача состояла в методологическом анализе проблемы; теоретическом обосновании психологического подхода к интерпретации на основе субъектной парадигмы; выявлении отличия интерпретации и понимания и в разработке такой теоретико-эмпирической модели исследования, которая в силу учета множества критериев и схем анализа предшествующих исследователей, позволяла в эксперименте предоставить субъектам свободу выработки своего мнения, активизировать их и по единым критериям модели выявить разнообразие способов их интерпретации.

Вторая задача состояла в разработке оригинального и адекват-

ного цели исследования метода реинтерпретационного анализа, который опираясь на организацию процедур эксперимента и другие методы, позволял выявить совокупность феноменологических и существенных характеристик процесса, структуры, уровней и способов формирования мнения.

Третья задача заключалась в выявлении взаимосвязи между личностными (интрасубъективными) и коммуникативными (интерсубъективными) особенностями интерпретации при создании ситуации интерпретации чужого мнения.

Методы исследования: 1) метод работы с текстом анонимного автора; 2) опросник; 3) беседа; 4) анализ письменной и устной речевой продукции методами микросемантического (по А.В.Брушлинскому) и контент-анализа; 5) экспертиза; 6) метод реинтерпретации; 7) метод прогрессивной типологии.

Положения выносимые на защиту.

1. Субъектный подход позволяет сделать интерпретацию предметом психологического исследования, связав ее с областью изучения мышления и познания личности, выявить ее личностно-типологические особенности - многопараметральные зависимости между процессуальными, структурными, уровневыми, личностно-стилевыми характеристиками интерпретирования и способами выработки субъектами своего мнения.

2. Многообразные когнитивные, смысловые, уровневые и личностно-стилевые особенности интерпретации проявляются в четырёх основных способах соотнесения своей и авторской концепции, зависящих, в свою очередь, от личностно значимого выбора той или иной интерпретационной задачи: а) априоризм (априорный вывод - обобщенное или частное мнение); б) идентификация с автором, ве-

дущая к его пониманию (объективизм); в) диалог с автором посредством сопоставления, противопоставления, соподчинения позиций, критики, разрушения-сохранения целостности авторской позиции и выхода к собственным проблемам, мнению (субъективизм); г) псевдосинтез с автором - псевдоинтерпретация. Эти типы имеют разные подтипы.

3. Способность личности к интерпретации, интерес к ее осуществлению не всегда сопровождаются уверенностью в своем мнении и потребностью в его объяснении и обосновании, что по принципу защиты, доверия и недоверия проявляется в создании субъектом некоего "ролевого сценария", состоящего в распределении "ролей" "посредника" и "оппонента" между текстом и экспериментатором.

4. Мнение об авторской концепции у разных субъектов включает ряд культурно-ценностных, культурно-исторических ориентаций (на авторитетность, известность, современность, перспективность, идеологичность и т.д.); некоторые из них более представлены у молодежи в сочетании со свободой и потребностью выработки и выражения своего мнения. При решении интерсубъективной интерпретационной задачи взрослые, профессионалы обнаруживают ярковыраженную негативную социально-психологическую ориентацию, проявляющуюся в априорной критике чужого мнения.

Апробация работы. Исследование выполнено в лаборатории психологии личности Института психологии РАН в соответствии с темой НИР "Психологические особенности субъекта в процессе умственного и нравственного развития (отв.рук. член-корр. РАН, проф. А.В. Брушлинский). Результаты по теме диссертации докладывались на Всесоюзной конференции (Москва, 1989), республиканских конференциях (Киев, 1990; Гродно, 1990), школах молодого психолога (Ко-

ломна, 1989; Москва, 1992). Предзащита состоялась в лаборатории истории психологии.

Теоретическое значение диссертации - в выборе предмета исследования, который позволяет сблизить область классической психологии мышления (с ее исследованиями решения данных субъекту задач) с областью психологии творчества, где он сам ставит задачи на основе научных проблем: формирование мнения о научных концепциях, не являясь мнением ученого, представляет задачу, выдвигаемую субъектом, в которой соединяются импровизация, оригинальность его трактовки автора со стремлением к обоснованию своей позиции, воссозданием научных контекстов, использованием научных критериев. В способе решения таких задач мышление неотрывно от работы сознания по осмыслению, переосмыслению, открытию нового (для себя) смысла и выявление их единства в реальном эксперименте служит подтверждением идеи С.Л.Рубинштейна о связи мышления и сознания, о соотношении имплицитного и эксплицитного в самой действительности, в мысли о ней.

Этим снимается противоречие между тем, что вся герменевтика объявляет себя наукой о смысле, а психология, в свою очередь, определяет смысл как основную единицу сознания (Виготский Л.С., Леонтьев А.Н.). Поэтому нельзя через саму эту единицу выявить специфику психологического подхода к интерпретации. Кроме того, для герменевтики смысл - это надличностная - культурная, присущая тексту, произведению, автору или интерсубъективная единица. А смысл в психологии как индивидуально личностная единица определяется через соотношение с надличностными значениями (Леонтьев А.Н.), чем нивелируется герменевтическое понимание смысла. В данном исследовании в модель включено все смысловое пространство, по от-

ношению к которому самоопределяется субъект - он сам ищет соотношение между авторским (вне личным) и своим смыслом, переосмысляя авторский смысл, проецируя на него свой смысл, выявляя смысл проблемы. Авторский смысл является для него имплицитным, пока не осуществлена его экспликация, составляющая суть интерпретации для себя. Но для постижения надличностного смысла и нужна активность субъекта - его обобщение, которое поднимается на более высокий уровень. Здесь мышление приобретает не только плоскостное - временное, динамическое, но и уровневое измерение, которым и дополняется психология мышления (Пономарев Я.А.).

Практическое значение. Данные исследования и метод реинтерпретации могут быть использованы в качестве технологии совершенствования интерпретационных умений в структурах высшего образования и повышения квалификации юристов, политиков, педагогов.

Структура диссертации состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы из 120 наименований, из них 40 иностранных и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во ВВЕДЕНИИ обосновывается актуальность исследования, формулируются гипотезы, задачи, методы и положения, выносимые на защиту.

В ПЕРВОЙ ГЛАВЕ "Постановка проблемы интерпретации и понимания в герменевтике, методологии науки и психологии" содержится методологический и теоретический анализ проблемы.

В главе выделяются две основные тенденции изучения интерпретации. Первая - формализующая - ставит акцент на средства, их инвариантность, которая обеспечивает отношения адекватности,

подобия, изоморфизма между исходной и конечной системой, будь то тексты, языки или культуры разных эпох (Хомский Н., Поппер К., Леви-Стросс К. и др.), поскольку основной задачей при этом является точная передача смысла, информации. Вторая - субъективно-феноменологическая, идущая от Э.Гуссерля - его идеи жизненного мира, связана с так называемой понимающей психологией (Дильтей В., Шпрангер Э.) и некоторыми ветвями герменевтики (Гадамер Г., Бетти Э.). Она отстаивает принципиально неформализуемый ценностно-иррациональный принцип объяснения духовного мира человека и механизм интерпретации как "вживания".

Альтернативу формалистической тенденции предложила, однако, именно методология естественных наук (Гайзенберг В., Вейль Г., Поля Д.), поскольку под интерпретацией подразумевалась уже не интерпретация текстов, а понимание и объяснение теорий. При переходе от старой системы знаний к новой оказался неприемлем принцип их подобия, изоморфизма. Интерпретация была представлена как своеобразное решение новой задачи, поскольку в рамках старого конструкта новое знание непонимаемо и не объяснимо (Barker S., Butterfield H., Carnap R., Diltley W., Feyerabend P.K., Freitag M., Heisenberg W., Kahl J., Körner E., Lakatos I., Levi-Strauss C., Mill J., Morris C., Devermann U., Orien A., Popper K.R., Pribram K., Palmer R., Royce D., Sellars W., Whorff B.L., Wright von C.H.). На эти же позиции встали авторы концепций личностного знания (Полани М.), социологии знания (Малкей М.), теории моделей (Шафр А.).

Отечественные философы проанализировали существующие классификации интерпретации, выявили множество аспектов проблемы - исторических, герменевтических, логических, языковых, информа-

ционных (Булагов Р.А., Вяткина Н.Б., Быстрицкий Е.К., Васильев С.Я., Гусев С.С., Лой А.Н., Жоль К., Мейзерский В.М., Рузавин Г.И., Филатов В.П. и др.). Однако в целом это усилило дифференциацию проблемы, но не привело к интеграции двух выделенных нами тенденций, которые остаются альтернативными.

В главе рассматривается философско-психологическая концепция субъекта С.Л.Рубинштейна и доказывается, что именно она может выступить в качестве основания объединения двух тенденций в изучении интерпретации, а также как критерий сходства и различия интерпретации и понимания, которые также то отождествляются, то противопоставляются друг другу, наконец, для определения интерпретации как предмета изучения психологии. Субъектный подход позволяет не сводить интерпретацию к законам текстовой организации смысла (Сорокин Ю.А., Урсул А.Д.), к законам его речевого выражения, даже к проблеме адекватности (аутентичности) понимания смысла, а раскрыть те системы отношений субъекта (реальной, идеальной, культурной, субъектной) действительности, в которые он вступает, интерпретируя эту действительность. Для психологии, даже при передаче знаний, текстов, сообщений, главное заключается в том, что опосредствующими звеньями становятся не формальные средства, а сами субъекты. Основным является не тождество этих знаний, точность информации и адекватность ее восприятия, а их развитие, преобразование субъектами, способными внести свой новый взгляд, свою оригинальную интерпретацию. Проблема субъективизма как неистинности интерпретации и понимания (с точки зрения формальной тенденции) преобразуется тогда в проблему свободы мышления и творчества интерпретирующего субъекта.

Интерпретация с психологической точки зрения - это выработ-

ка субъектом мнения и по поводу текста, и по поводу авторской концепции, и по поводу реальных событий, людей и самой жизни. Один может ограничиться задачей понимания, другой - высказать частное, личное мнение по проблеме, третий - противопоставить или соединить свою позицию с авторской, четвертый - вообще сосредоточиться на своих проблемах, лишь косвенно связанных с текстом.

В ГЛАВЕ ВТОРОЙ "Психологическая теоретико-эмпирическая модель интерпретации" прослеживаются те направления исследований, которые вплотную подвели к выявлению психологического аспекта интерпретации: концепции А.А.Потебни, Н.А.Рубакина, теория диалога М.М.Бахтина, исследования П.П.Блонским и С.Л.Рубинштейном и его сотрудниками процессов понимания, работы Л.П.Доблаева, Г.М.Кучинского, М.С.Роговина, исследования речевой деятельности (Зимняя И.А., Леонтьев А.А., Маркова А.К., Ушакова Т.Н. и др.), общая теория сознания (Выготский Л.С., Леонтьев А.Н., Мид Дж., Рубинштейн С.Л., Узнадзе Д.Н.), конкретные исследования сознания (Брудный А.А., Зинченко В.П., Леонтьев Д.А., Петренко В.Ф., Слободчиков А.И. и др.), а также исследования личностных и коммуникативных аспектов мышления (Брушлинский А.В., Знаков В.В., Матюшкин А.М., Семенов И.Н., Тихомиров О.К. и т.д.).

Отправными для выделения психологического, личностного интрасубъективного (в отличие от межличностного, коммуникативного, интерсубъективного) аспекта интерпретации является комплексная семиосоциологическая концепция интерпретации и ее исследование как текстовой деятельности Т.М.Дридзе, работы J.Кнѳl, выявившего негативные особенности современного интеллекта, проявляющиеся в способах интерпретации, концепция сознания и социально-

го мышления К.А.Абульхановой, включившей интерпретацию в число процедур социального мышления личности.

Основой данного исследования является континуально-генетическая концепция А.В.Брушлинского, его теория мышления и исследования, позволяющие определить интерпретацию как процедуру сознания и мышления личности, вырабатывающей собственное мнение о действительности, других людях, событиях, информации и текстах.

Поскольку задачей было исследование интерпретации авторских концепций, содержащихся в научных и философско-гуманистических текстах, мы опирались на герменевтические, историко-литературные, исторические работы, а также исследования по истории и методологии науки, истории и методологии психологии (Блок М., Вебер М., Горнфельд А., Кольцова В.А., Пуанкаре А., Микулинский Р.С., Рассел Б., Рубинштейн С.Л., Ярошевский М.Г. и др.).

В главе представлена отвечающая такому определению теоретико-эмпирическая модель интерпретации, включающая:

- структурно-динамические (процессуальные) компоненты;
- процессуально-уровневые (способ движения по уровням понимания, комментирования и контекстам, определяемый по схеме С.В.Васильева);

- личностно-стилевые параметры, включающие значимость - наличие интеллектуального или личностного интереса к задаче, тексту, автору, проблеме, направленность (позитивно-негативное отношение к тексту, автору, проблеме, экспериментатору, оценки), способ соотнесения своей и авторской точки зрения;

- отношения субъекта - к тексту, автору, экспериментатору

и т.д. и организация "сценария" ситуации интерпретирования.

Основным в организации эмпирического исследования была определенная последовательность его процедур: 1) на первом этапе предоставление испытуемому самостоятельности в выработке своего мнения; 2) на втором - актуализация его интерпретации безличным (опросник) и лично-диалогическим (беседа) способами; 3) на третьем (по желанию) объяснение своего мнения (экспериментатору); 4) на четвертом - интерпретация мнения другого лица.

Вся речевая продукция подвергалась обработке с помощью микросемантического, контент-анализа и других (в том числе экспертного) методов последовательно сначала по динамическому, затем уровневому, затем стилевому и т.д. срезам модели. Сведение всех данных по каждому респонденту проводилось реинтерпретационным и типологическим методом, в результате чего явилась типология, обобщающая характеристики субъектов интерпретирования.

Исследование состояло из трех серий, из которых две первых были направлены на изучение интрасубъективного, личностного, а третья - интерсубъективного аспекта интерпретации. В первой - предметом интерпретации были научные (психологические) концепции известных авторов (Выготский Л.С., Леонтьев А.Н., Рубинштейн С.Л., Узнадзе Л.Н.) преподавателями психологии, во второй - философско-гуманистические концепции интерпретировались студентами (на семинарах). В третьей - преподавателям психологии предлагалась для интерпретации мнение другого лица и текст.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

По структурно-динамическому параметру сразу выделилась группа (20% выборки), составившая первый тип с "априорным" выводом, который предшествовал рассуждениям и завершал интерпретацию. Смысловая композиция вывода носила более одноплановый или многоплановый характер, более категорический или неопределенный, более теоретический или лично-значимый. Здесь смысл выступает и как начало и как итог, тогда как для всей остальной выборки он становится искомым (по А.В.Брушлинскому).

Всех остальных респондентов различало: 1) наличие гипотезы в середине рассуждения или "апостериорного", резюмирующего все рассуждения вывода (или вообще отсутствие такового); 2) наличие-отсутствие внутренней связи суждений (одно выводилось из другого или после каждого можно было поставить точку) - дизъюнктивность-недизъюнктивность (по А.В.Брушлинскому); 3) преобладание аналитических или синтетических, носящих контекстный характер суждений.

Сравнение с мышлением при решении обычных задач показывает, что, во-первых, в них в равной мере присутствует анализ, синтез, обобщение; во-вторых, ограничителем "интеллектуального пространства" служат условия и требования задачи. Здесь гипотеза ограничивает поиск (по Р.Н.Крауссу гипотеза то, что имел в виду автор; или собственное обобщение) или расширяет пространство путем синтеза (включения в разные системы связей).

Обычно выделяемый анализ через синтез соединяется с обобщением, которое далее приобретает уровневый характер, что обнаруживается процессуально-уровневым срезом модели. По уровневым

критериям выделяется преобладание конкретных или абстрактных суждений, а также абстракции разного уровня, включая конкретизирующие абстракции, т.е. интегрирующие несколько смыслов. Соединение этого среза с личностно-стилевым позволяет вобрать все параметры в некие обобщенные характеристики двух следующих типов интерпретирования.

Второй отличается по преобладающему интеллектуальному (конкретному, аналитическому) характеру суждений. У третьего они носят оценочный характер ("сложно", "важный", "интересно", "я не понял" и т.д.), подразделяясь на личные и научные оценки.

Второму типу свойственно поступательное восходящее движение по уровням комментирования, приводящее к раскрытию логики авторской концепции, т.е., фактически, к ее адекватному пониманию субъектом. Однако, если по схеме понимания С.Я.Васильева оно начинается с уровня "перевода", то интерпретирование начинается сразу с уровня комментариев и у второго типа заканчивается пониманием, близким авторской концепции (тип составил 30% выборки). Личностной задачей его интерпретирования была "идентификация" с автором (по Т.М.Дридзе), а способом - интеллектуальная, последовательная теоретическая реконструкция, в силу чего тип назван объективным.

Третьему типу оказалась свойственна необычная связь оценочных и абстрактных (абстрагирующих) суждений, которая, во-первых, обеспечивала свободу, отвлечение, дистанцирование от авторской логики; во-вторых, "произвольность", а на деле - своя логика перехода от одной системы связей к другой, в которые включалась авторская концепция (то содержательный контекст, то критический анализ и т.д.). Внешне суждения не были связаны,

но часто отвечали не эксплицируемому внутреннему пладу, т.е. были недизъюнктивны. Тип, составивший 40% выборки был назван субъективным.

В третьем типе обнаружались подтипы по способу сопоставления своей и авторской позиции точки зрения: 1) противопоставление своей и авторской точек зрения (посредством критических оценок), разрушения авторского целого, дистанционирования своей и авторской точек зрения; 2) сопоставление своей и авторской точек зрения ("на равных") в контексте собственных личностно-значимых смыслов, проблем; 3) соподчинение своей и авторской позиции по принципу безусловной авторитетности последней ("к этому можно было бы только добавить"), частичного фрагментарного ее комментирования. Таким образом, если второму типу было свойственно сведение своей точки зрения к авторской, то подтипам третьего была свойственна критика, сопоставление и соподчинение, что означало наличие разных способов диалога с автором. Второй же тип в этом отношении может быть назван монологичным. Эта характеристика целиком подтверждается анализом по схеме Васильева: второй тип непрерывно шел по восходящим уровням постижения концепции автора, третий - двигался по возвратно-чередующейся траектории - от авторской - к своей позиции и опять - к авторской. Третий тип, который характеризовался абстрактно-оценочными суждениями и диалогическим способом формирования своего мнения был условно назван субъективным: у большинства его подтипов целью был собственный смысл, тогда как у первого - авторский, который он объективно определял через систему значений (интерпретация по Б. Расселу - подстановка определенных значений).

Хотя у второго типа преобладали когнитивные, конкретно-аналитические суждения, а у третьего преобладали (или сочетались) когнитивные и оценочные, оказалось, что различие между типами состоит не в том, что один является интеллектуальным, а другой - лично-оценивающим, а по качественной характеристике интеллектуальности, т.е. по выдвинутому Дж. Гилфордом фактору конвергентности-дивергентности мышления (конвергентность - однолинейность, дивергентность - многозначность, способность удержать в мышлении множество параметров, аспектов рассмотрения).

Второй тип решает задачу интерпретации, сводя ее к пониманию автора последовательным, но однолинейным аналитическим путем, а его мышление носит последовательно во времени развертывающийся характер, тогда как третий одновременно удерживает в своем сознании или смысловую неопределенность (имплицитность) смысла или множество различных смыслов (авторский, свой собственный и смысл того контекста, и которому он обращается). Именно этот сплав оценочности сознания, ценностности со способностью мышления к абстракции и удержанию множества смыслов позволяет этому типу быть подлинным интерпретатором (исключая последний - комментирующий подтип).

Выделился и четвертый тип, осуществлявший "псевдосинтез" (по Т.М. Дридзе), т.е. соединение непонятных, фрагментарных суждений по поводу авторской концепции и своих бессмысленных (по экспертизе) комментариев (10% выборки). Здесь имело место поверхностная "псевдоинтерпретация", или фактически она отсутствовала, несмотря на наличие высказываний респондента.

Ряд характеристик этих типов были подтверждены при (добро-

вольном) выполнении задачи объяснить свою интерпретацию (в беседе с экспериментатором). "Априорный" тип отказывался от объяснения. "Объективный" - излагал авторскую концепцию, принципиально не объясняя ее, а лишь соотнося с другими авторскими концепциями. "Субъективный" - чаще высказывал свое мнение по поводу авторской концепции, совершенно не придерживаясь логики ее изложения. Четвертый был неспособен дать объяснение. В целом, по выборке обнаружилась парадоксально по отношению к профессиональным качествам педагогов низкая способность объяснения.

В ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ "Соотношение интра- и интерсубъективных аспектов интерпретации" при сравнении данных по первой и второй сериям (в которой участвовали студенты) в качестве основного дифференцирующего фактора выступила способность включения в разные системы связей (контексты), конструктивность, проблемность или фрагментарность последних. В качестве контекстов в первой серии естественно преобладали научные - дискуссионность, методологичность, эмпиричность и т.д. Во второй серии, соответственно характерам текстов, рассматривались мировоззренческие (религиозные, экзистенциальные), личные (проблемы общения, любви), исторические (проблемы поколений, современности) контексты. Здесь преобладает третий тип интерпретирования, ярко выступают процессуально-уровневые особенности - движение от уровня комментария, где сохранены элементы старого контекста, к новому уровню интерпретации, где новый контекст создается тремя путями: 1) преобразование старого; 2) разрушение старого; 3) синтез. В случае неспособности личности к созданию нового контекста происходит возврат к уровню "перевода", пересказа.

Во второй серии обнаружен более высокий личностный интерес и выступает ценностное отношение к гуманистическим концепциям,

способность выйти на уровень проблем (общечеловеческих и личных), стремление выявить и устранить противоречия в авторской концепции, иногда импровизация. Наиболее ярким фактом интерпретации оказывается переосмысление, буквально открытие проблем, имеющих глубокий личностный смысл (отношений к детям, к смерти, отношений полов).

Сравнение серий обнаружило, что у преподавателей, в целом, снижено авторитетное отношение к авторским концепциям (хотя в эксперименте концепции сначала предлагались анонимно, чтобы снизить давление авторитетности), что проявляется в критике, уравнивании своей и авторской концепции. Отсутствует критерий современности, отсутствует критерий объяснительных возможностей теории, ее ограничений. У студентов отношение к авторитетам выступает как интерес к популярным авторам, критика носит более рациональный характер, ярко выражена потребность в формировании своей точки зрения, соединенная с желанием ее объяснения другим. Однако в отличие от сократического диалога, который имел целью общую истину, критерий истинности отсутствует и у студентов, и у преподавателей.

Сравнение серий позволило выявить параметр доверия-недоверия, который характеризует интересубъективный аспект интерпретации. Этот параметр используется в узком значении доверия (недоверия) к информации и в более широком - правды и лжи (Знаков В.В. и др.). У преподавателей в силу целого комплекса причин (и профессиональных стереотипов, и ситуативных факторов) проявилась некоторая боязнь ошибки, недоверие к себе и к экспериментатору. Это выразилось в создании некоторого "ролевого сценария", в расстановке позиций трех "участников" ситуации (в отличие от М.М.Бахтина - это не автор, герой и читатель), а

интерпретатор, текст (и его автор) и экспериментатор: Респондент выбирал своим "посредником" текст, отгораживаясь от экспериментатора как "оппонента" или наоборот, требуя объяснения, поддержки экспериментатора, чтобы "отстраниться" от текста.

"Бегство" от осмысления проявляется в разных формах - поспешности вывода, свидетельствующей о нежелании работать со смыслами, в отсутствии вывода - откладывании его на будущее, в когнитивной пересосредоточенности на частностях, мешающей сделать интерпретационное обобщение. Доверие-недоверие у разных типов оказывается в разных соотношениях с интересом к интерпретированию: одни через критику легче видят свой смысл (по принципу декартовского сомнения), другим интересно то, что "априори" вызывает доверие.

Данные третьей серии с заданием дать интерпретацию чужого мнения по поводу предложенного текста выявили априорный негативизм у большинства преподавателей, которые делали вывод не сравнивая ни содержания текста, ни чужой точки зрения, не анализируя ее существо. Здесь можно говорить о некоторых социально-психологических особенностях интерпретирования. Отрицание, утверждение через отрицание является особенностью сознания, которая даже закреплена в некоторых языках (англ. "doesn't it"), продуктивным механизмом мышления, ориентированного на снятие противоречия, но, иногда, превращается в критичность ума или скептичность личности. Полученный же факт априорного неприятия чужого мнения, безотносительно к его содержанию свидетельствует о том, что плюрализм, диалектичность еще не стали свойством мышления и сознания современной личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Представленная в гипотезе модель позволила выявить многообразие психологических способов открытия смысла, переосмысления, интеграции многих смыслов в одном или выделения главного через ту систему отношений, контекстов (включая экспериментальный), через тот способ соотнесения своего смысла (мнения) с авторским (концепцией), которым субъект решает свою интерпретационную задачу.

2. Выявлена совокупность интеллектуальных особенностей - своеобразных интерпретационных возможностей субъекта: 1) стилевых (по аналогии с когнитивными стилями, а также семиосоциопсихологическими группами, выделенными Т.М.Дридзе) - преобладание аналитичности или синтетичности мышления, конкретности - абстрактности; 2) временных измерений мышления - конвергентности-дивергентности как последовательности или одновременности аспектов рассмотрения; 3) уровневых (уровни комментариев и обобщений). Эта совокупность особенностей не была выявлена при решении обычных мыслительных задач.

3. Обнаружены некоторые культурно-исторические особенности интерпретации, связанные со способом мышления недавнего прошлого (падение принципа авторитетности, отсутствие критерия современности, априоризм мнений), социально-психологические (априорный негативизм), профессиональные (низкая способность к объяснению), возрастные (интерес к интерпретированию молодежи, бегство от смысла и защитные механизмы взрослых), половые (мужской объективизм и женский субъективизм).

4. Выявлено существенное ограничение в профессиональном

профиле преподавателей психологии, поскольку обучение превращает авторскую концепцию в объект изучения, предмет усвоения (а, иногда, и критики, покровительственного оценивания недостатков, неудач), что блокирует авторитетное и исследовательское отношение к ней самих педагогов, которое должно быть воспитано у студентов. У преподавателей эти дефициты компенсируются лишь психологически - если возникает интеллектуальный интерес к интерпретации и соответствующая активность или личностная потребность иметь свое мнение, тогда как у студентов сохранена открытость к осмыслению общечеловеческих (и в том числе научных) ценностей.

5. Разработанная в диссертации модель субъекта интерпретирования, в основном эмпирически проверенная по интеллектуальным и личностным параметрам, является открытой, т.е. может пополняться характеристиками стилей сознания, типов ответственности личности и т.д.

По теме диссертации опубликованы следующие работы

1. Ранний период творчества С.Л.Рубинштейна. - В кн.: Применение концепции С.Л.Рубинштейна в разработке вопросов общей психологии. - М., 1989. - С.49-67.

2. Комментарий к статье С.Л.Рубинштейна "Психология Шпангера как наука о духе". - В кн.: Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки, воспоминания, материалы. - М., 1989. - С.428.

3. Интерпретация как способность личности к социально-ориентированному мышлению. - В кн.: Проблемы самореализации личности в высшей и общеобразовательной школе: Тезисы докладов

межвузовской научной конференции. - Киев, 1990. - С.36-37.

4. Творческие особенности мышления в коммуникации. - В кн.: Проблемы психологии в работе с людьми: Тезисы на Всесоюзной научной конференции. - Гродно, 1990. - Т.1. - С.114-116.

5. Интерпретация как способность личности к социально-ориентированному мышлению. - В кн.: Психологические исследования социального развития личности. - М., 1991. - С.180-197.

6. Interpretation of personality to socially-oriented thinking. The thesises for the 2nd European Congress of Psychology. - Budapest, 1991, Hungary.

7. Interpretation and its psychological peculiarities. The thesis for the 6th Prague International Conference "Psychological development and personality formative processes. - Prague-Suchodol, 1991.

Сечидский

Подп. к печ. 1.2.93.

Объем 1,75 п. л.

Зак. 78.

Тир. 110

Типография МПГУ им. В. И. Ленина

1165458

AB 27.069